

УДК 94(497.11)“18”
93/94 Шемјакин А. Л.
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.vis.43-53>

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ, д.и.н., проф.
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации
vishnyakov@yandex.ru

Проф. др Јарослав Валеријанович ВИШЊАКОВ
Московски државни институт међународних односа (Универзитет)
Министарства спољних послова Руске Федерације

**Народ и власт в независимой Сербии в оценках А.Л.
Шемякина**
**Народ и власт у независној Србији према оценама А. Л.
Шемјакина**

Соотношение понятий „европеизация“, „вестернизация“, „модернизация“ является обширным полем для дискуссий исторической и политической наук. По данному вопросу было опубликовано значительное число работ, в том числе фундаментальных, дающих, как теоретическое, так и прикладное описание данной проблемы.¹ Мы же, посвятив свою статью особенностям этого процесса в Сербии последней четверти XIX – начала XX века, будем опираться на методологическую основу, заложенную в трудах российского историка А.Л. Шемякина. Прежде всего в этом контексте отметим выпущенные им 2006-2014 гг. два фундаментальных тома документальных материалов „Русские о Сербии и сербах“,² представляющие ценный комплекс свидетельств русских дипломатов, путешественников, общественных и культурных деятелей о Сербии со второй половины XIX до событий Первой мировой войны, важных для понимания сложных процессов политической, экономической и культурной трансформа-

1 *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*, Москва 1994; Тойнби А., *Цивилизация перед судом истории*, Москва 1996; Федотова В. Г., *Модернизация „другой“ Европы*, Москва 1997; Хобсбаум Э., *Век империи*, Ростов-на-Дону 1999.

2 *Русские о Сербии и сербах, Т.1*, Санкт-Петербург 2006; *Русские о Сербии и сербах, Т. 2*, Москва 2014.

ции сербского общества.³ Действительно, эти заметки российских и европейских современников – свидетелей происходящих в Сербии трансформаций, позволяют реконструировать социокультурный контекст изменений, происходивших в стране после 1878 года.

Заметим, что понимание сущности сербской модернизации второй половины XIX – начала XX вв., как особой модели „догоняющего развития“, позволяют связать общую специфику ее развития с региональными кризисами, ставшими, в том числе и поводом к началу мировой войны. Достаточно лишь указать, что со второй половины XIX века Сербское государство приняло участие в шести войнах – 1876, 1877-1878, 1885, двух балканских войнах 1912-1913 гг., а также в Первой мировой войне - 1914-1918 гг.

Действительно, все преобразования в Сербии после 1878 года сопровождались рядом специфических особенностей, которые касались не только кардинальных перемен в основах политической и экономической систем, но и в попытке создания сербской элитой особой символики государства, что в итоге привело их к отрицанию системы европейского универсализма и попытке создания собственного социально-экономического, политического, культурного и национального базиса. В выпущенном в 2011 году Институтом славяноведения РАН обобщающем труде „Югославия в XX веке“ исследователь рельефно и убедительно показывает, что „золотой век“ сербского парламентаризма 1903-1914 гг., „несмотря на демократизацию политического процесса в результате смены династий и принятия конституции 1903 г., сохранил „родовые черты“ прошлой эпохи“.⁴ Он отмечал, что „принимая универсальную терминологию за сущее, т.е. за реальную практику управления, исследователи грешат против истины, когда полагают, что с введением в Сербии институтов либерального государства (по конституции 1888 г. или при ее “переиздании” в 1903 г.) в ней автоматически сложился столь же либеральный режим - т.е. парламентская демократия европейского типа.“⁵ В этом же контексте, исходя из анализа стереотипов тра-

3 Отметим также, что еще ранее данные дискуссионные вопросы были отражены в статьях выпущенного к 200-летней годовщине первого сербского восстания сборнике статей „Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала первого сербского восстания 1804-1813“ (*Двести лет новой сербской государственности*, отв. ред. В. К. Волков, Санкт-Петербург 2005), и в научно-издательском проекте „Человек на Балканах“.

4 *Югославия в XX веке. Очерки политической истории*, Москва 2011, 30.

5 Ibid, 30.

диционного мышления, историк объясняет популярность войны в сербском обществе, подчеркивая, что „героическое начало закладывалось в сербских детях с малых ногтей, что не могло не сказаться на формировании их мироощущения, какое всегда оставалось сугубо конфронтационным, в рамках оппозиции свой-чужой“.⁶

Подчеркивая, что с помощью методов исключительно институционального анализа невозможно объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах порой действуют совершенно по-разному, в своих работах А.Л. Шемякин доказывал, вопреки мнению многих сербских коллег, очевидность того факта, что „Сербия кануна мировой войны отнюдь не являлась „современным европейским государством“ (равно, впрочем, как и никто из иных ее балканских соседей) — в силу хотя бы прочного традиционного сознания, сложившегося в патриархальном сербском социуме, консервации которого способствовали практически не менявшиеся на протяжении всего периода независимости архаичные формы и условия его существования.“⁷ Опираясь на свидетельства российских официальных представителей в Белграде, общественных деятелей Сербии, путешественников, ученый показал, что „институционально имитировать Европу автоматически совсем не означает являться ею“, а „все политические факторы и институты, особенно заимствованные в Европе (парламентаризм, демократия, конституционный строй), представлены как бы вне сербской социальной реальности“.⁸ Таким образом, по его словам, политика в молодом сербском государстве стала инструментом беспощадной борьбы политических партий, относящихся к своим оппонентам как к непримиримым врагам, и не понималась лидерами страны как „способ амортизации общества“.⁹

6 Ibid, 44.

7 Шемякин А. Л., „В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX века)“, *Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сб. научных трудов*, Нижний Новгород 2009, 132.

8 Шемякин А. Л., „Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX - начала XX в. глазами русских“, *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX - первая половина XX в.)*, Санкт-Петербург 2004, 29.

9 Шемякин А. Л., „Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский“, *Родина* 12/2013, 49.

Действительно, важная черта политического развития Сербии второй половины XIX-начала XX вв. состояла в том, что практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты являлись выходцами из сельской среды, обеспечивая своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, внося в политику свою партикулярную, архаичную, зачастую „семейную“ мотивацию. Именно поэтому сербская модель либерализма значительно отличалась от западноевропейского аналога прежде всего тем, что элита, призванная осуществлять идеи „европеизации“ на практике и получившая образование в западноевропейских университетах, создавалась искусственно, „сверху“, без учета ментальности общества и специфики развития сербских традиционных структур. В условиях отсутствия в Сербии даже зачатков капиталистических отношений, глубинные трансформации управленческого аппарата в связи с внедрением западноевропейского опыта были весьма туманны и в результате свелись лишь к праву „образованного человека занимать соответствующие должности в школе, суде, министерстве“.¹⁰ Результат подобного формирования элиты был закономерен. Историк-славист В.И. Ламанский тонко подметил: „Простые умные сербы очень верно выражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: ‘У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр князем’ “.¹¹ На практике это выражалось в бесконечной борьбе партий, а сама скупщина – законный орган страны, по словам историка П.А. Ровинского „обратилась в пустой парад, на котором дебютировали министры и их клеветы, а остальные были безгласными свидетелями“.¹² К концу XIX века это положение вещей стало столь заметно, что даже верный сторонник короля Милана Обреновича, известный сербский государственный деятель Владан Джорджевич откровенно отметил: „Средние и высшие учебные заведения поставляли для Сербии сравнительно слишком большое число чиновничьего пролетариата, который, не имея возможности иным путем зарабатывать насущный хлеб, бросился

10 Кузьмичева Л. В., „Сербская государственная идея 60-70-е гг. XIX в.“, *Двести лет новой сербской государственности*, 157.

11 Ламанский В. И., „Сербия и южно-славянские провинции Австрии“, *Русские о Сербии и сербах*, Т. 1, 29.

12 Ровинский П. А., „Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году“, *Русские о Сербии и сербах*, 76.

в политическую партизанскую борьбу. И ныне каждая из существующих партий имеет полный состав чиновников, так что, когда она партия у власти, другие стараются всеми силами низвергнуть ее, ибо подобная политика стала уже вопросом насущного хлеба. “¹³

Итак, по итогам Берлинского конгресса 1878 года территория сербского государства оказалась с трех сторон в окружении австрийских владений, что естественным образом привело к усилению политического и экономического давления Вены. Это привело к резкому изменению курса сербского князя Милана Обреновича. Новый курс вполне отвечал государственным интересам страны в связи с надеждами на ее вхождение в мировую систему хозяйства и комплексную модернизацию ее экономической и политической системы. Именно Вена могла стать Белграда ключом, с помощью которого можно было добиться процветания собственной страны, поскольку, „чтобы стать богатыми и могущественными, им надо было стать как Запад.“ ¹⁴

24 апреля (6 мая) 1881 года был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, а в июне этого же года Милан заключил с Веней политическую конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция, а 22 февраля 1882 года Милан провозгласил себя королем. Именно „напредняки“ во главе с М. Пирочанцем, которые сменили правительство либерала Й. Ристича, в октябре 1880 года возглавили правительство, пытаясь, с опорой на опыт двуединой монархии, превратить Сербию в государство „централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как бы проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями.“ ¹⁵

13 АВПРИ. Ф. Политархив, д. 499, л. 84 (об).

14 Хантингтон С., *Столкновение цивилизаций*, Москва 2003, 134.

15 Шемякин А. Л., „Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы)“, *Славянские народы: общность истории и культу-*

24 апреля (6 мая) 1881 года был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, а в июне этого же года Милан заключил с Веной политическую конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция, а 22 февраля 1882 года Милан провозгласил себя королем. Казалось бы, уже первые принятые законы должны были стать основой для быстрой модернизации страны. Сам король Милан, принимая депутатов Скупщины в 1884 году, произнес: „Было время, когда судьбу народа решало только оружие и только от его успеха зависел прогресс народа. Но политические успехи на этом пути поставили нас в положение, когда мы ведем борьбу с регрессом, борьбу с бездельем, борьбу с азиатскими пережитками.“¹⁶ Прежде всего продолжились, начатые еще в первой половине XIX века реформы образования. Еще в 1838 году, в Крагуевце, по указу Милоша Обреновича был основан Лицей, в 1841 году переведенный в новую столицу страны Белград. На его базе, в 1863 году, была сформирована Великая школа, в 1905 году преобразованная в Университет. В 1881 году были приняты законы о печати и о собраниях. В 1882 году появился закон о начальных школах, согласно которому было введено всеобщее начальное образование, а за период с 1882 по 1903 год в стране было открыто 393 начальных школы¹⁷; в этом же году появился еще ряд важных законодательных актов: о судьях, о валюте, о Народном банке. Важную роль в сербской экономике конца XIX - начала XX вв. играл построенный в 1857 г., по образцу аналогичного предприятия в итальянском Турине, позднее ставшего производить известную марку автомобилей „Фиат“, военный завод в Крагуевце, который, кроме производства и ремонта вооружений, стал и арсеналом оружия и боеприпасов для

ры, Москва 2000, 23.

16 Perović L., „Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države“, *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka*, Beograd 1994, 237.

17 Вукичевич М., *Король Петр I и Сербия*, Петроград 1915, 24. К 1912 году в стране насчитывалось уже 1425 начальных школ и 49 средних и специальных учебных заведений. Заметим, что, несмотря на строительство школ, к началу XX века основная масса сельского населения Сербии читать и писать не умела, а ученики по окончании школы быстро забывали все полученные знания. Как заметил А.Л. Шемякин, „мотивация для получения образования еще не созрела“. См.: Шемякин А. Л., „В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX века)“, *Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сб. научных трудов*, 134.

сербской армии. Значительную роль в модернизации сербской военной индустрии играли французские военные технологии.¹⁸

По мнению нового главы сербского кабинета министров такой курс, обусловленный резким отходом от прорусской ориентации сербских правящих кругов, был вполне оправдан. Россия, несмотря на статус Великой державы, по его мнению, никогда не сможет догнать быстро развивающуюся европейскую культуру, что делало перспективы русско-сербского сотрудничества весьма туманными. По мнению Пирочанца сербы намного ближе к австрийским славянам, чем к славянам из России. Кроме того, внешнеполитические стремления России к вытеснению с Балкан Австро-Венгрии он считал по существу завоевательными, а потому не соответствующим сербским интересам.¹⁹ Подобное отношение к России, никак не согласующееся с идеей славянофилов о славянском братстве под сильным крылом двуглавого российского орла, не ускользнуло от внимательного взгляда российских дипломатов. Посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой заметил в своих мемуарах, что „сербская культура сложилась в значительной степени под воздействием русской литературы и австрийского соседства. Россия была далеко, торговые отношения с ней были слабы. Сербии трудно было избавиться от экономической зависимости от Австрии. Будапешт и Вена были ближайшими европейскими центрами. Туда сербы ездили торговать, там они часто учились. При всей ненависти к швабам сербы перенимали их навыки, иногда даже их наружный облик. У швабов же они нередко перенимали отношение к России как к 'варварской стране'“.²⁰ Да и сам торговый договор с Веней, по справедливому мнению С.И. Данченко, „отвечал интересам сербских крестьян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию на рынки Пешта и Вены, чем и объяснялась

18 Ратковић-Костић С. Б., *Европеизација српске војске: 1878-1903 године*, Београд 2007, 402-403. В 1891 году в сербской армии появились новые французские пушки 120 Ц - М 1890. Бјелајац М., *Дипломатија и војска. Србија и Југославија 1901-1999*, Београд 2010, 28-29. Вишняков Я. В., *Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века*, Москва 2016.

19 Раич С., „Милан Пирочанац, Стојан Новаковић и Владан Джорджевић – интелектуална „тројица“ сербских напредњаков (прогресистов) о славянској взаимности“, *Историки-слависты МГУ: кн. 8: славянский мир в поисках идентичности: В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи*, Москва 2011, 366-367.

20 Трубецкой Г. Н., *Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах*, Монреаль 1983, 91.

поддержка этой непопулярной в глазах оппозиции акции напредняцкого правительства.²¹

Однако брошенный властью вызов патриархальному социуму не мог остаться без ответа, а цена, которую Милану и его преемнику Александру Обреновичу пришлось заплатить за эти реформы, оказалась слишком высока. Основная масса сельского населения Сербии воспринимала политические изменения в стране весьма своеобразно, поскольку, по выражению А.Л. Шемякина, „политический человек европейского типа спал в Сербии глубоким сном.“²²

Новый проавстрийский курс политики Милана Обреновича вылился во вполне конкретный внутривнутриполитический кризис. Основным противником нового режима стала Радикальная партия во главе с Н. Пашичем, чья концепция прогрессивного развития страны основывалась на возможности альтернативной модернизации, более соответствующей сербским традициям и реалиям. И его шансы победить были высоки, поскольку за ним стояла монолитная, устойчивая контрэлита – сербское крестьянство, отметим при этом слабо дифференцированное, имеющее примерно одинаковый экономический статус, и объединенное в особую социальную структуру – задругу.²³ Именно ее ценности и традиции естественным образом легли в основу возрождения новой сербской государственности, что формировало архаичное представление общества о характере центральной власти, когда монарх, в глазах народа, воспитанного на традициях „крестьянской демократии“, был скорее главой семьи, за которым, по справедливому замечанию того же А.Л. Шемякина, „они призна-

21 Данченко С. И., *Развитие сербской государственности и Россия 1878-1903*, Москва 1996, 74.

22 Шемякин А. Л., „Особенности политического процесса в Сербии глазами русских. (последняя треть XIX- начало XX века)“, *Славяноведение* 5/2010, 14.

23 Задруга, являясь, по сути, большой патриархальной семьей, состояла из 20-30 человек, как правило, нескольких сыновей одного отца с их семьями, жившими на одном большом дворе. Историк-славист П.А. Ровинский так описал своё знакомство с такой большой семьей: „Тут в семействе жило вместе не более 10-12 человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Еще две семьи, вышедшие из этого двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину - задругу, которая имела одного выбранного поглавара, или старейшину, общению неразделенное имущество, жила и работала сообща, повинуюсь распоряжению одного и семейному совету“. См.: *Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары*, сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин, Санкт-Петербург 2006, 97.

вали лишь первенство, но не превосходство. “²⁴ Тем более, что к началу XX века она из семейной структуры стала превращаться в значительную производственную кооперативную единицу – важную часть экономики страны.²⁵ Главное и первое противоречие в жизни страны было налицо. Политическая вестернизация страны находилась в отрыве от традиционных общественных структур, а реальная, особенно государственная, жизнь в Сербии была далека от общепринятых в Европе поведенческих норм и социокультурных стандартов. „шумадийский селяк и воспринимал свое нарождающееся государство как многократно увеличенную копию своего же ‘микромира’ “, - отмечает тот же А.Л. Шемякин.²⁶

Такое „семейное“ восприятие народом своего монарха являлись естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к власти и собственному государству, когда правитель выдвигался из своей же собственной среды и ей же мифологизировался. Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий.²⁷ Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что политической жизни Сербии второй половины XIX - начала XX века свойственно противоречие: с одной стороны, отсутствие авторитета или сакральности королевской власти, а с другой - отсутствие консолидированной и образованной политической элиты, способной сплотить общество, а также традиций парламентаризма западноевропейского образца и культуры политической борьбы. В то же время внедрение „сверху“ европейских политических норм стало несовместимо с патриархальной моделью монархической власти и соответствующей ей восприятием образа правителя сербским крестьянством. Все это делало Сербию государством с нестабильной политической системой и непред-

24 Шемякин А. Л., „Народ и власть в независимой Сербии“, *Двести лет новой сербской государственности*, 192.

25 Первая подобная кооперативная земледельческая „задруга“, основанная, в том числе и для сбыта сельскохозяйственной продукции, была основана в марте 1894 года. В 1908 году в Сербии насчитывалось уже 636 таких задруг, „располагавших собственными капиталами на общую сумму свыше 12 миллионов динар“. Содомов А. И., *Сербия*, Москва 1915, 31.

26 Шемякин А. Л., „Народ и власть в независимой Сербии“, *Двести лет новой сербской государственности*, 177.

27 Ibid, 177. Данная точка зрения также раскрыта в работах М.В. Белова, посвященных изучению источников, идейных основ и особенностей формирования сербской „повстанческой государственности“.

сказуемым порядком престолонаследия. Укажем в этой же связи на типичный для Сербии институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий, а также на то, что в течение XIX века насильственное смещение монарха было скорее правилом, чем исключением.²⁸ Именно насилие, по словам А.Л. Шемякина, причем “сверху” и “снизу” „являлось важнейшим фактором политического развития Сербии.“²⁹ а к началу XX века началу XX века по его словам „авторитарная политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности эволюционировать и дорасти до высот толерантности; соответственно идея о бесконфликтном решении проблем была обречена на невостребованность.“³⁰

В свою очередь, корифей сербской историографии Латинка Перович отметила по этому поводу, что именно Задруга „с ее экономическими и социальными функциями, системой ценностей лежит в основании идеологии сербского социализма шестидесятых и семидесятых годов, или радикализма восьмидесятых годов XIX века. Квинтэссенция этой идеологии - народное государство в противовес современному государству, которое вводит власть права, основывает институты и создает административное сословие - бюрократию.“³¹ Не случайно сам проводник нового европейского экономического курса Милан Обренович и его сын Александр с подозрением относились к этим земледельческим союзам, небезосновательно полагая, что они могут стать очагом распространения радикализма и представлять опасность для правящей династии.³² В этом смысле А.Л. Шемякин убедительно показал, что „патриархальные крестьянские представления о собственной государственности как ор-

28 Об этом пишут как российские, так и сербские исследователи. См., напр., Никифоров К. В., „Четыре этапа сербской истории“, *Югославянская история в новое и новейшее время: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922-1991)*, Москва 2002, 21-35. Так, одной из значительных фигур сербской политики второй половины XIX-начала XX века являлся Й. Ристич, бывший регентом при Милане и Александре Обреновичах. А в 1914 году принцем-регентом при своем старом отце стал Александр Карагеоргиевич.

29 Шемякин А. Л., „Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX - начало XX века)“, *Славяноведение* 5/2010, 10.

30 Ibid, 8.

31 Перович Л., „Сербия в модернизационных процессах XIX-XX веков“, *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX - середина XX в.)*, Санкт-Петербург 2007, 28.

32 Вукичевич М., *Король Петр I и Сербия*, 26.

ганичном “продолжении” традиций задруги, общины и кнежины очень скоро столкнулись с жесткой логикой реально формирующегося княжества, которая проявилась в его институционализации и централизации. Согласно ей (сначала в рамках “военной монархии” Карагеоргия, а затем - олигархии уставобранителей и “просвещенного абсолютизма” Михаила Обреновича) шел активный процесс „перевоплощения“ сербского крестьянина из бывшего бунтовщика против турок в бесправного подданного своего государства, из повстанца-партизана в регулярного солдата, из самодостаточного производителя в налогоплательщика с постоянно растущими податными обязательствами.³³ Системный кризис власти был налицо, поскольку традиционно избираемые патриархальным, аграрным населением старейшины, которые соответственно были перед ним и ответственны постепенно выдавливались назначаемыми сверху „чужими“ чиновниками. Таким образом, наступающая вместе с новым веком европеизация с одной стороны, и борьба за сохранение внутренней свободы с другой, стали глубинными противоречиями патриархального сербского социума конца XIX – начала XX века, а сама политическая вестернизация страны, наиболее активно начавшаяся после 1878 года, находилась глубококом разрыве с традиционными общественными структурами страны.

Итогом „нового“ курса Милана стал, уничтоживший Обреновичей, государственный переворот 29 мая 1903. Однако убийство королевской четы одновременно стало новым цивилизационным выбором страны, а сербское правительство сделало, по словам А.Л. Шемякина, ставку на прочную привязку „маленького сербского плота к могучему русскому кораблю“, как тогда говорили, и на мобилизацию собственного народа как главного внутреннего фактора будущей реализации ‘заветной мысли сербской.’³⁴

33 Шемякин А. Л., *Идеология Николы Пашича: формирование и эволюция*, Москва 1998, 23-24.

34 см. Шемякин А. Л., „Сербская национальная идея в 1878-1903 гг. Время разочарования и осмысления“, *На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII - начало XX вв.*, Москва 1997, 156-157.